

ОТ ЭВАКУАЦИИ К РЕЭВАКУАЦИИ: МОСКОВСКИЕ ИСТОРИКИ ДРЕВНОСТИ В 1941–1943 ГОДАХ¹

В статье на основании архивных документов рассмотрена деятельность московских историков древности перед войной и в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). Начало Великой Отечественной войны принесло перемены в работу советских историков древности: было прекращено издание журнала «Вестник древней истории», началась подготовка к эвакуации. Уже в первые месяцы войны московские историки делали доклады на актуальную тематику. Проявился и положительный момент: в тяжелое военное время возрастает роль инициативы снизу, исходящей от самих ученых. Большое значение приобрела деятельность «уполномоченных» (временных руководителей академических учреждений). Реэвакуация и восстановление работы академических институтов в Москве в 1943 г. показали, что московским историкам древности и московским гуманитарным академическим учреждениям удалось в целом сохранить работоспособность в условиях эвакуации. Историки древности переключились на актуальную патриотическую тематику, но реэвакуация заложила основу для возвращения к нормальной научной жизни, в которой для изучения и истории древнего мира, и классической филологии открывались новые возможности.

Ключевые слова: история древнего мира в СССР, Великая Отечественная война, Академия наук СССР, эвакуация, реэвакуация, история антиковедения.

S. G. Karpyuk

Institute of World History, RAS/ Russian State University for the Humanities.
SPb Branch of the S. I. Vavilov Institute, RAS. oxlos@yandex.ru

From evacuation to re-evacuation: Moscow historians of antiquity in 1941–1943

The article considers, on the basis of archival documents, the activities of Moscow historians of antiquity before the war and in the first years of the Great Patriotic War (1941–1943). The beginning of the war brought changes to the work of Soviet historians of antiquity: the publication of the

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ 23-28-00240 «Мобилизация древней истории: институциональные трансформации и советский военно-исторический нарратив 1941–1945 гг.».

«Journal of Ancient History» was discontinued, preparations for evacuation began. Already in the first months of the war, Moscow historians presented scholarly papers on related topics. A positive moment also manifested itself: in difficult wartime, the role of the initiative from below, emanating from the scholars themselves, increases. The activities of «commissioners» (temporary heads of academic institutions) gained great importance. The re-evacuation and restoration of the work of academic institutions in Moscow in 1943 showed that Moscow historians of antiquity and Moscow humanitarian academic institutions managed to generally maintain efficiency in evacuation conditions. Ancient historians switched to topical patriotic themes, but re-evacuation laid the foundation for a return to normal scientific life, in which new opportunities were opened up to study both the history of the ancient world and classical philology.

Keywords: history of the ancient world in the USSR, the Great Patriotic War, Academy of Sciences of the USSR, evacuation, re-evacuation, history of classical antiquity

Проблема функционирования исторической науки в годы Великой Отечественной войны (как научных институтов, так и ученых-историков), безусловно, рассматривалась отечественными исследователями (Afiani, Osipova 2010: 3–27; Tikhonov 2015: 28–40; Pavlov, Tikhonov, Chernobaev 2021: 23–32 и др.). Конечно, в институциональном аспекте то, что происходило с историками древности, мало отличалось от пертурбаций их коллег-гуманитариев, а вот содержание их работы имело определенную специфику (Ladynin, Timofeeva 2014: 359–363; Карпюк 2020: 128–139; 2021: 106–171 и др.). Цель настоящей работы — ввести в научный оборот архивные документы, которые проливают свет на функционирование науки о древности в учреждениях Академии наук СССР в Москве и в эвакуации в преддверии и в годы Великой Отечественной войны.

Можно говорить об активизации деятельности советских историков древности в последние месяцы перед началом войны. 21 января 1941 г. на заседании Президиума АН СССР был утвержден состав ученых советов как Института истории, так и Ленинградского отделения института. Ученый совет Института истории в Москве состоял из 29 членов (из них 8 академиков и 11 членов-корреспондентов АН СССР), при этом историков древнего мира было всего двое: академик С. А. Жебелёв и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института Н. А. Машкин (Архив РАН. Ф. 457. Оп.

1а-41 г. Д. 20. Л. 27–28). Для сравнения: в ленинградском Ученом совете историков-древников было существенно больше: из 17 членов совета (среди которых было 6 академиков) историю древнего мира представляли четверо: академики С. А. Жебелёв, В. В. Струве и А. И. Тюменев, а также кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института С. И. Ковалев (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 14–15).

Об активной деятельности московских и ленинградских историков-античников свидетельствует датированная 21 января 1941 г. докладная записка академику-секретарю отделения истории и философии АН СССР А. М. Деборину от заместителя руководителя сектора истории древнего мира Н. А. Машкина с просьбой утвердить издание сборника по древней истории и классической филологии в честь пятидесятилетия научной и педагогической деятельности академика С. А. Жебелёва (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 17). Как Н. А. Машкин, так и С. А. Жебелёв, который руководил сектором древней истории Института истории в указанный период, были отмечены «за ударную работу по сектору древней истории» в приказе № 22 по Институту истории АН СССР от 30 января 1941 г. (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 23).

В последние предвоенные месяцы научные журналы и сборники АН СССР обзаводятся редакционными коллегиями, которые утверждаются на заседании отделений Академии. 14 февраля 1941 г. датируется письмо ответственного редактора журнала «Вестник древней истории» А. В. Мишулина академику-секретарю отделения истории и философии АН СССР А. М. Деборину с просьбой прислать выписку из постановления Бюро Отделения с составом редколлегии журнала. В состав редколлегии вошли академики С. А. Жебелёв и Ю. В. Готье, ответственным редактором и заместителем редактора были назначены соответственно А. В. Мишулин и А. Б. Ранович (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 65)².

Были ли готовы московские историки древности к войне? Следует отметить, что почти двухлетний переходно-подготовительный период у советских историков был. Война в Европе началась раньше, и реакция на нее ученых определялась не

² Письмо было напечатано на бланке журнала «Вестник древней истории» (“Revue d’histoire ancienne”) с указанием адреса и телефона редакции (Москва, Красная площадь, здание Верховного Совета СССР, тел. 91–01).

только указаниями руководства, но и собственными представлениями о научной этике. Некролог знаменитого немецкого антиковеда Эд. Шварца, подготовленный академиком Жебелевым и не опубликованный в 1940 г. — тому подтверждение. И «сбалансированное рецензирование» в 1939–1941 гг. на страницах «Вестника древней истории» англо-американских и французских научных журналов, с одной стороны, и немецких, с другой — это также своеобразный маркер предвоенного времени. Уже в этот период отчетливо проявляется тенденция к актуализации военно-патриотической тематики: в предвоенных номерах ВДИ публикуются приложения — переводы античных источников о древних славянах, а также античных военных трактатов (Карпюк, Kulishova 2018: 389–404).

Начало Великой Отечественной войны принесло перемены в работу советских историков древности: было прекращено издание журнала «Вестник древней истории», началась подготовка к эвакуации. Уже в первые месяцы войны московские историки делали доклады на актуальную тематику, в пример можно привести доклад А. В. Мишулина о партизанской тактике скифов, который был прочитан на кафедре истории древнего мира МГУ, а впоследствии, в переработанном виде, был опубликован в «Историческом журнале» (Mishulin 1943: 64–69). В силу того, что гуманитарные академические институты эвакуировались во вторую очередь (срок эвакуации — октябрь 1941 г.), некоторые московские историки древности, в их числе А. В. Мишулин и Н. Н. Пикус, эвакуировались вместе с МГУ в Ашхабад (впоследствии МГУ был перемещен в Свердловск), некоторые, как В. И. Авдиев, оказались в Ташкенте, А. Б. Ранович — в Башкирии. Центром академической исторической науки на время эвакуации стал Ташкент. Важным видом публичной деятельности эвакуированных историков становятся специальные сессии, посвященные памяти выдающихся ученых либо исторических событий и персонажей. Московские и ленинградские историки древности приняли активное участие в сессии памяти академика Жебелева, которая состоялась 31 января 1942 г. в Ташкенте (Карпюк, Kulishova 2022: 238–246, 260–282).

Эвакуация из Москвы была достаточно организованно проведена в ВУЗах, да и в естественнонаучных институтах АН СССР, которые в конце лета — начале осени 1941 г. были вывезены в Казань и в Свердловск, однако гуманитарные академические институты вывозились второй волной эвакуации, кото-

рая хронологически совпала с хорошо известной московской паникой середины октября 1941 г. Об этой панике свидетельствуют и воспоминания, и документы из Архива РАН. Перемещение московских институтов АН СССР, попавших во вторую волну эвакуации, не всегда проходило организованно (Кагрук 2021: 108–113). Руководители институтов эвакуировались в первых рядах, передавая управление в руки специально назначенных руководителей («уполномоченных») в спешке. Уполномоченные назначались обычно из числа опытных сотрудников (но не обязательно руководителей), оказавшихся на месте.

О том, как происходил процесс передачи полномочий в московском академическом учреждении, свидетельствует документ, датированный 18 октября 1941 г.:

Приказ № 80
по Институту микробиологии Академии наук СССР
от 18 октября 1941 г.

§ 1

Предлагаю всем сотрудникам Института, состоящим в штате, вернуться на работу и приступить к нормальному исполнению своих обязанностей, в первую очередь привести в образцовый порядок помещение института, оборудование и материалы.

§ 2

19-го с[его] м[есяца] отбываю с группой сотрудников Института и ценной частью оборудования в г. Фрунзе через Куйбышев на основании распоряжения Президиума А.Н. и в соответствии с распоряжением правительства об эвакуации АН СССР.

§ 3

Уполномоченным дирекции Института по руководству всеми делами остающейся временно в Москве части Института микробиологии назначается проф. Мишустин, Евгений Николаевич.

Е. Н. Мишустину доверяется руководство как научными, так и административно-финансовыми [делами] Института.

Е. Н. Мишустину поручается подготовка остающейся части сотрудников Института к эвакуации (sic!) в г. Фрунзе.

П. п. зам. директора Института М. Н. Мейсель

Верно: [подпись]

(Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 2)³.

Ответственность уполномоченных распространялась на самые разные сферы деятельности академических учреждений, о чем свидетельствует документ из Архива РАН:

³ В оригинале отсутствуют знаки препинания; скорее всего, проект приказа был передан телефонограммой либо отправлен телеграммой.

Зам. секретаря
Президиума АН СССР
тов. Филиппову, М. И.

По просьбе уполномоченного Института истории тов. Горянова сообщаю Вам следующее: 17/X с.г. я с моим заместителем тов. Бакшеевым, И. И. при обходе здания Института обнаружили, что комната спецотдела была не опечатана. Зная, что накануне зав. спецотделом тов. Лазыкиной часть метериала была сожжена, мы запасным ключом, находящимся в комнате штаба ПВО, открыли помещение спецотдела, при чем обнаружили:

1. В шкафу (был не заперт) около 12 папок с какими-то материалами и [2.] в 2-х письменных столах, также не запертых, около 10-ти круглых печатей.

На следующий день по указанию тов. Файланда все письменные материалы были мною сожжены без их просмотра в присутствии коменданта здания тов. Филиппова, печати же мною временно были оставлены в несгораемом шкафу. В этот же или на другой день в Институт явилась тов. Лазыкина (в этот день ей, с моим ходатайством, через Президиум АН быда оформлена выдача месячного оклада), которой я сообщил о том, что все оставшиеся после нее материалы мною сожжены, против чего, с ее стороны возражений не было, и уже вместе с нею мною были сожжены оставшиеся круглые печати.

Уполномоченный Энергетического Института АН СССР (подпись) /Г. И. Марков/.

(Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 7)⁴.

Следует отметить и некоторый положительный момент: в тяжелое военное время возрастает роль инициативы снизу, исходящей от самих ученых, отчасти вследствие того, что руководящие сотрудники академических учреждений иногда бросали место работы и уезжали: так поступил старший научный сотрудник Института истории, секретарь партийной организации института С. Д. Петропавловский, который «16 октября 1941 г. покинул Москву в 18 часов вечера» (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 5. Л. 6)⁵.

⁴ На документе сохранились рукописные пометки должностных лиц: «1) К сведению. М. Филиппов 10/XI 41 г. 2) Запросите т. Маркова, по какому поводу написано настоящее объяснение. (подпись неразборчива) 10.2 44 г.».

⁵ См. Карпюк 2021: 103. Это тот самый С. Д. Петропавловский, который делал успешную административно-научную карьеру перед

Оставшиеся в Москве ученые пытались заниматься текущей работой, принимали участие в работе «комиссии Минца» по сбору материалов по истории Отечественной войны (Кагрук 2021: 120–123). Ленинградцем, оказавшимся в Москве, был специалист по Древнему Египту М. А. Коростовцев, который в начале 1920-х годов работал в ВЧК и поэтому пользовался доверием властей (Ladynin, Timofeeva 2014: 362–363). Ему было поручено организовать подготовку текста и публикацию очень важной в «идеологическом» отношении книги: сборника в честь 25-летия Октябрьской революции, в котором давался обзор достижений советской исторической науки; отдельные главы этого сборника написали находившиеся в эвакуации историки древности А. В. Мишулин и В. И. Авдиев (Volgin, Tarle, Pankratova 1942).

Весной 1943 г. начинается процесс реэвакуации (возвращения) московских академических институтов. К началу мая 1943 г. вернулась часть сотрудников института истории (Архив РАН. Ф. 4. Оп. 1–1943 г. Д. 11. Л. 22), основная часть сотрудников Института истории вместе с семьями переехала в Москву в мае 1943 г. Возвращавшиеся в Москву сотрудники академических институтов сталкивались с трудностями бытового характера. Так, половину потребности в дровах на отопление зданий институтов АН СССР на зиму 1943/44 г. коллективы институтов должны были обеспечить сами: «Для этого нужно будет, чтобы каждый институт выделил из своих сотрудников небольшую бригаду, дабы эти бригады уже в конце мая или в начале июня были командированы в леспромхозы для заготовки дров» (Архив РАН. Ф. 4. Оп. 1–1943 г. Д. 11. Л. 27). В докладной записке заместителя Управляющего делами АН СССР П. П. Резникова (конец 1943 г.) были подведены итоги реэвакуации: «О грандиозности проведенного мероприятия можно судить по следующим цифрам: за время с начала реэвакуации по 20 октября [1943 г.] в Москву перевезено сотрудников — 3109 человек, членов семей — 5809 человек, груза — 3791 тонна» (Архив РАН. Ф. 4. Оп. 1–1943 г. Д. 11. Л. 69).

войной: 3 февраля 1941 г. заместитель директора Института истории член-корреспондент Панкратова отправила в президиум АН СССР письмо с просьбой «утвердить членом Ученого совета института секретаря партбюро тов. Петропавловского Сергея Дмитриевича» (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-41 г. Д. 20. Л. 39).

Резэвакуация и восстановление работы академических институтов в Москве в 1943 г. показали, что московским историкам древности и московским гуманитарным академическим учреждениям удалось в целом сохранить работоспособность в условиях эвакуации. Историки древности переключились на актуальную патриотическую тематику, но резэвакуация заложила основу для возвращения к нормальной научной жизни, в которой для изучения и истории древнего мира, и классической филологии открывались новые возможности (Skvortsov 2022).

Литература

- Afiani, V. Ju., Osipova, N. M. 2010: [Academy of sciences of the USSR in the first months of the war]. *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]* 13 (131), 3–27.
- Афиани, В. Ю., Осипова, Н. М. 2010: Академия наук СССР в первые месяцы войны. *Исторические записки*. 13 (131), 3–27.
- Karpyuk, S. G. 2020: [Institute of history of the Soviet Academy of sciences in 1941–1943. Documentary evidences]. *Novaya i novейshaya istoriya [Modern and contemporary history]* 5, 128–139.
- Карпюк, С. Г. 2020: Институт истории АН СССР в 1941–1943 годах. Документальные свидетельства. *Новая и новейшая история* 5, 128–139.
- Karpyuk, S. G. 2021: 'Sovetskaya drevnost': istoriya nauki i obshchestva v 1930–1960-e gody ['Soviet Antiquity': A History of Science and Society in 1930–60s]. Moscow: IVI RAN. Карпюк, С. Г. 2021: «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. Москва: ИВИ РАН.
- Karpyuk, S. G., Kulishova, O. V. 2018: [Ancient history before the war: S. A. Zhebelov, Member of the Academy and Soviet-German scientific connections]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 78/2, 389–404.
- Карпюк С. Г., Кулишова О. В. 2018: Предвоенная древняя история: академик С.А. Жебелёв и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. *Вестник древней истории* 78/2, 389–404.
- Karpyuk, S. G., Kulishova, O. V. 2022: [Last Years of S. A. Zhebelov, Member of the Academy], in Karpyuk, S. G. (ed.). 'Sovetskaya drevnost': lyudi, uchrezhdeniya, knigi i nauka o drevnosti v SSSR ['Soviet antiquity':. Persons, institutions, books, and the study of ancient world in the USSR]. Moscow: IVI RAN, 237–284.
- Карпюк, С. Г., Кулишова, О. В. 2022: Последние годы академика С. А. Жебелёва. В сб.: Карпюк С.Г. (ред.) «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР. М., 237–284.
- Ladynin, I. A., Timofeeva N. S. [M. A. Korostovtsev, the egyptologist, and his initiative on foundation of the Soviet cultural agency in Egypt

- (1943–1947)]. *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]* 15 (133), 358–382.
- Ладынин, И. А., Тимофеева, Н. С. 2014: Египтолог М. А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте (1943–1947 годы). *Исторические записки* 15 (133), 358–382.
- Mishulin, A. V. 1943: [On the military art of the Scythians]. *Istoricheskiy zhurnal* 8–9, 64–69. Мишулин, А. В. 1943: О военном искусстве скифов. *Исторический журнал* 8–9, 64–69.
- Pavlov, D. B., Tikhonov, V. V., Chernobaev, A. A. 2021: [History of the Institute], in: Petrov Yu. A., Chernobaev, A. A. (ed.). *Institut rossiiskoy istorii RAN, 1936–2021 [Institute of Russian history RAS, 1936–2021]*. Moscow: IRI RAN, 9–78.
- Павлов, Д. Б., Тихонов В. В., Чернобаев А. А. 2021: [Очерк истории]. В сб.: Петров Ю. А., Чернобаев А. А. (ред.). *Институт российской истории РАН, 1936–2021 гг.* М.: ИРИ РАН, 9–78.
- Skvortsov, A. M. 2022: [Classical Philology at the Final Stage of the Great Patriotic War: Actualization of the Discipline]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 26/2, 1299–1308.
- Скворцов, А. М. 2022: Классическая филология на заключительном этапе Великой Отечественной войны: актуализация дисциплины. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26/2, 1299–1308.
- Tikhonov, V. V. 2015: [Fighting science: the role of history in anti-fascist propaganda during the Great Patriotic war]. *Vestnik RGNF [The messenger of RHSF]* 2, 28–40.
- Тихонов В. В. 2015: Сражающаяся наука: роль исторической науки в антифашистской пропаганде в годы Великой Отечественной войны. *Вестник РГНФ* 2, 28–40.
- Volgin, V. P., Tarle Ye. V., Pankratova, A. M. (ed.) 1942: *Dvadsat' pyat' let istoricheskoi nauke v SSSR. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk Soyuza SSR [25 years of studies in history in the USSR]*.
- Волгин В. П., Тарле, Е. В., Панкратова А. М. (ред.) 1942: *Двадцать пять лет исторической науки в СССР.* М.: Издательство Академии наук Союза СССР.